

ФИННО-УГОРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕКСИКЕ РЯЗАНСКИХ ГОВОРОВ

Осипова Е.П.

(E-mail: e.osipova@365.rsu.edu.ru)

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

В статье рассматриваются диалектные лексические единицы финно-угорского происхождения, бытовавшие и бытующие в настоящее время в рязанских говорах. Наличие их в Рязанской области автор связывает с историей формирования территории и населения данного региона.

До начала освоения славянскими племенами Среднего (Рязанского) Поочья, которое началось в IX в., территорию занимали племена городецкой культуры, ареал которых простирается от среднего и нижнего течения Оки, бассейнов Мокши, Цны и Суры до правобережья Волги до нынешнего Саратова. Подавляющее большинство исследователей связывает носителей городецкой культуры с предками поволжских и окских финнов [1, 23; 2, 188, 330]. К финским памятникам, локализующимся в основном в пределах современной Рязанской области, относятся рязанско-окские могильники I тысячелетия н.э. Население, оставившее рязанские могильники, автохтонно и связано с населением, оставившим памятники городецкой культуры, и в этническом отношении было родственным упоминаемым в летописях муроме, мешере, мордве [3, 72-76; 1, 26].

Обращает на себя внимание близость керамики верхних слоев городищ и селищ в Мещёре, бассейнах Цны Мокши и касимовского течения Оки к керамике рязанско-окских могильников [1, 27].

Массовая колонизация славянами Среднего Поочья относится к концу X – XI в. Считается, что западная и центральная часть нынешней Рязанской области была заселена вятичами. Летописные источники указывают на отождествление вятичей и рязанцев: «Вятичи, иже есть Рязанци» (Львовская летопись), «Вятичи ...прозвашеся Рязанци» ((Ермолинская летопись), «Вятичи и до сего дне еже есть Рязанце» (Тверская летопись). Считается, что финские племена были частично ассимилированы, частично вытеснены на восток территории и нижнее течение Оки. Русские топонимические названия здесь, в центральной части рязанской территории, южнее р. Прони и западнее Пары, господствуют полностью [4, 179].

Мещёру колонизовали кривичи, продвигавшиеся в северную и северо-восточную части нынешней Рязанской области из Волго-Клязьминского междуречья [5, 25]. Кривичи вступали с местными финнами в брачные и хозяйственные отношения, не отесняя их с исконной территории. К северу от р. Пры и к востоку от Пары преобладают нерусские названия [4, 179]. В XV–XVII вв. северные и восточные районы Рязанского края населяли разные группы финских (мордва, мешера) и тюркских (касимовские татары, татары-мишари) народов. На укреплениях Большой засечной черты несли службу значительные по численности подразделения служилых татар и мордвы [6, 38].

Неоднократно отмечались существенные различия в традиционной культуре, быте, языке между рязанцами, проживающими к югу от Оки, и рязанцами, располагающимися к северу от неё. По карте современной Рязанской области проходит рубеж, разделяющий рязанскую территорию на две части: юго-западную, включающую основную и большую часть области, и северо-восточную. Он проходит по реке Паре на юго-востоке области вверх, до ее впадения в Оку, и далее почти под прямым углом вдоль течения Оки на запад. Эта граница совпадает с выделенными историческими, археологическими, этнографическими, диалектными, топонимическими ареалами. В частности, данный рубеж разделяет русские (славянские) топонимические названия от нерусских (неславянских), занимающих северо-восточную часть рязанской территории. В северной части Рязанского края сильнее

выражены черты среднерусского комплекса, а «в отдельных элементах культуры русских проявились древние этнические связи с финно-уграми» [7, 87].

В заокской части Рязанской области (Клепиковский, частично Касимовский, Спасский районы) выделяется этнографическая группа русской мещеры – локальная группа русских, сформировавшаяся в результате ассимиляции славянами аборигенного финского населения – летописной мещеры. До середины XX в. в Мещёре сохранялись особенности в расцветке женской одежды, в оформлении жилища, цоканье в речи, в которых исследователи усматривают связи с финно-уграми [8, 3]. Локальная группа куршаков также является носителем финского влияния: цоканье в речи, лапти мордовского типа, черные повилы, встречавшиеся у мордвы-мокши, марийцев и чувашей.

Именно здесь, в заокском районе Рязанского края бытуют говоры Рязанской Мещеры, относящиеся к среднерусским акающим говорам и отличающиеся от говоров основной территории, относящихся к Восточной (Рязанской) группе южнорусского наречия. Мещерские говоры разделяют все основные рязанские диалектные черты и вместе с тем включают ряд своеобразных языковых явлений, встречающихся также в соседних с ними среднерусских говорах отдела Б: твёрдое цоканье, чередование [в] ([ф]) с [ў] или [х] в конце слова и слога: [в]одá, но *п rá* [ў]да – правда, *л á* [х]ка – лавка, *кó рó* [х] – коров, чередование [а] с [е] в положении между мягкими согласными и т.д.

Вопрос истории формирования говоров Рязанской Мещеры является спорным. Основные ареалы ряда диалектных черт данных говоров находятся за пределами ареала Рязанской группы, прежде всего на территории распространения западнорусских говоров. Поэтому образование мещёрских говоров объясняют миграциями части русского населения с западных территорий на восток. В.Г. Орлова, основываясь на исторических исследованиях, считала, что мещёрские говоры могли сформироваться с XII по XIV век в результате переселения в бассейн Клязьмыносителей говоров Смоленской земли. Благодаря взаимодействию местных и переселенческих смоленских говоров сложились черты, характерные для речи русского населения современной Рязанской Мещёры [9, 21–22, 337–340].

Однако К.Ф. Захарова представила точку зрения, в соответствии с которой сходные с западнорусскими мещёрские диалектные черты имеют местное происхождение. Основанием для подобного вывода является различие в очертаниях ареалов каждой из специфических мещёрских черт, отсутствие их совмещения; невозможность установления даже приблизительно исходного диалектного ареала, откуда могло произойти переселение носителей западнорусских говоров, так как комплекс диалектных явлений Рязанской Мещёры представляет собой сочетание разнородных языковых черт; невозможность распространения в Рязанской Мещёре западнорусских черт ни в XII–XIV веках, ни в более поздний период, исходя из времени появления и характера развития данных языковых явлений; преимущественное направление миграций русского населения в рассматриваемый период во время татарских набегов с юга на север, а не с запада на восток. На этих основаниях особенности мещёрских говоров К.Ф. Захарова объясняла наличием «местных междиалектных, межъязыковых контактов, развивавшихся на данной территории начиная с XIII века в условиях значительной изолированности находящегося здесь населения». Возникновение части явлений можно объяснить финно-угорским субстратом, в частности, такое диалектное явление как цоканье, ареал которого близок к той территории, которую занимало племя мещёра в XII веке [9, 340–342].

Точка зрения К.Ф. Захаровой поддерживается топонимическими материалами северо-востока рязанской территории, которые указывают на топонимические следы древнейшего автохтонного населения, относящегося к древнемордовским племенам, именуемым финно-уграми по принадлежности к финно-угорской языковой семье. Именно с данными племенами связывается появление на рязанской территории таких названий населенных пунктов, как Нарма от *нар* ‘луг’ в языке эрзи [10, 167], Нармушадь [10, 167–168], Ерахтур от одноименного названия реки, которое фонетически сближают с финно-угорскими языками, с

также этимологически с мордовским *эрьке* 'озеро' и финно-угорским *тул* 'река' [10, 77-79], Ибердус по одноименному гидрониму финно-угорского происхождения [10, 92-93], Шацк, производное от мокшанского *шада* 'половодье' (10, 278-279) и другие. В Рязанской области и соседних территориях сохранились многочисленные топонимы, указывающие на заселение территории предками современной мордвы, – с. Мордово Сараевского района, с. Мордвиновка Ухоловского района и гидронимы – реки Мордвес, Мордовка, Мокша и др. [10].

Значительное чудское влияние отмечается также и в других гидронимах северо-востока Рязанской области. В частности, происхождение названия реки Мокша (ср. другие гидронимы в бассейне р. Оки Лакша, Колакша, Селекша, Шумокша, Серокша, Шокша и др.) объясняется на финно-угорском языковом материале – апеллятивом *мокс* (вариант *моки*) 'исток, приток, поток, бегущая вода' [10, 156-157].

В рязанских говорах широко бытовали (некоторые сохраняются и теперь) слова, связанные своим происхождением с древнемордовскими источниками и относящиеся к различным тематическим группам: названия хозяйственных построек, предметов традиционного женского рязанского костюма, пищи и др.

В традиционном женском рязанском костюме есть элементы и их наименования, присутствие которых объясняется древнейшими контактами на рязанской территории славян с аборигенными древнемордовскими племенами. Известно, что женская традиционная одежда несет на себе отпечаток племенных, этнических различий и этнических контактов. Так, в рязанской Богословщине – районе, находившемся у восточной границы вятичей с финно-уграми, – крестьянки носили *кодман*. В словаре Даля с пометой «ряз.тул.» встречается как обозначение синего женского шушуна; помету «ряз.» имеет женская накидка из понитка, как широчайшая рубаха, но без проема для головы, мешок с рукавами; накидывается как есть, вдвое, на спину, в ненастье на голову, а рукава спускаются по плечам вперед [11, 130]; «что-то вроде стихаря – рукава короткие и книзу широкие, грудь обыкновенно расшита красными, желтыми, зелеными лентами, а подол унизан нитками бисера; желтяк был желтого цвета, а кодман – темно-синего» [12, 45]. В рукописи 1850 г. Иоанна Стахиева по Скопинскому коннозаводскому округу Рязанской губернии отмечается ношение крестьянками в праздники крашенного кубом тканного из шерсти кодмана [13, 1161]. В рязанских говорах лексема *кодман* встречалась также в качестве названия тонкого синего летнего платья крестьянских женщин, в этом значении зафиксировано в Опыте областного великорусского словаря [14, 85]. В данном значении известна также тульским говорам [12, 45]. Названия *кодман*, *котман* известны лишь рязанским и воронежским памятникам письменности (15, 303-304). Слово содержится в известном словаре М.Н. Макарова «Опыт русского простонародного словотолковника» как род шушуна: «Рязанской губернии в Скопинском уезде кодманы бывают обыкновенно цвета синего, другие же цвета кодману нейдут» [16, 120]. В словаре Фасмера имеет помету «диалектное» и отсылку к древнерусскому языку [17, 1388], где *къдманъ* 'плащ, свита'. Слово производят от венгерского *ködmenködmön* 'крестьянская меховая куртка' [18, 275].

Для украшения одежды рязанки использовали *пулагай*. Даль описывает его как «пучок, убранный кистями и другими украшениями, черный гарусный хвост с кистями и украшениями, который носят мордовки» (19, 538). Как обязательная часть женского костюма встречается у современной мордвы. В рязанских и пензенских говорах обозначает пояс, который представляет собой затканную полоску с очень длинной красной шерстяной бахромой [20, 121]. Бытовал в Чучковском, Сасовском районах, расположенных на востоке Рязанской области. Сравним: морд. эзя *pulo*, мокша *pulä* 'хвост, коса', фин. *polo*, *rola* [21, 405].

Финно-угорские заимствования встречаются среди слов, обозначающих пищу и ее приготовление. Так, в рязанских говорах были широко распространены производные от глагола *пахтатъ* 'бить, взбивать (сметану, сливки) мутовкой, рогаткой': *пахта* – сыворотка, остающаяся после приготовления творога или снятое обезжиренное молоко, *пахталка* –

ручная маслобойка, *пахтанье, пахтанья* – жидкость, остающаяся после сбивания масла. Слова *пахтать, пахтанье, пахталка* зафиксированы словарем Даля [19, 26]. Помимо рязанских, лексемы широко представлены в пензенских говорах [22, 295-296]. В севернорусских говорах (Беломорье) встречаются *пахта, пѣхтанье* [23, 292, 299]. Лексема *пахта* с дериватами имеет широкое распространение на всей территории Среднего Поволжья [24, 526]. Происходит *пахтать*, вероятно, из финского *puöhtää* ‘сбивать масло’. В пользу финского происхождения глагола говорит, по мнению М. Фасмера, наличие в русском языке названия *чухонское масло* (сливочное масло), в то время как топленое масло имеет название *русское масло*; другие этимологи возводят к финскому *pahtaa* ‘давать затвердеть, застыть’ (21, 222). По мнению С.А. Мызникова, в основе глагола *пахтать* лежат карело-финские источники [25, 236-237].

Известны рязанским говорам лексемы *кокоря, кокура, кокурка*, входящие в тематическую группу «Пища». В псковских и новгородских говорах *кокоря* встречается как обозначение лепешки, толстой лепешки, колоба, лепешки из рыбной икры, ватрушки (с творогом, картофелем, морковью и т.д.), круглого хлеба весом в 2-3 фунта из лучшей муки домашнего помола [26, 95]. *Кокора, кокура* в рязанских говорах – оладьи, сдобная пышка, свадебный пирог в виде круглого пшеничного хлеба с запеченным внутри целым яйцом, вид кренделя. Данная выпечка использовалась в календарной и семейной обрядности наряду с *жаворонками, копытами* (календарные праздники и обряды) и *курником* (свадебный обряд). *Какура* – пресная круглая пышка, в которой запекают целое яйцо с пометами «Ряз.», «Сарат.» [27, 78].

В других русских говорах служат названием различных выпечных изделий с локализацией в основном в костромских, ивановских, ярославских, нижегородских, пензенских, саратовских говорах [28, 104-105]. В говорах северо-запада России также встречается слово *кокорка* ‘ватрушка’, которое относится в русском языке к прибалтийско-финским заимствованиям [29, 258]. В результате метафорического переноса в рязанских говорах *кокура* – полная, пышущая здоровьем женщина [Там же]. В русских говорах относится к прибалтийско-финским заимствованиям. Скорее всего, от финского *kakara* ‘клёцка, вид хлеба’. В соответствии с другой точкой зрения от *кока* ‘яйцо’, судя по географии распространения и варианту на –ура [30]. В русских говорах Мордовии встречается слово *кокурка* ‘бублик, сушка, баранка’, ‘сдобная лепешка’ и уменьшительное образование *кокурочка* [31, 386].

В записях рязанской диалектной речи 50–70-х годов прошлого века широко представлены лексемы *рыга, рига* в разных значениях: большой крытый сарай с печью для сушки снопов и обмолота; крытый ток; овин; молотильный сарай; постройка, помещение для хранения зерна; амбар; кладовая. Священник с. Серкина Михайловского уезда Иоанн Зелятров в описании крестьянского двора (1850 г.) упоминает *плетнёвую хлебную рыгу* [32, 1160]. По сведениям СРНГ, *рыга, рига* преимущественно распространены в говорах Карелии, в пензенских, куйбышевских, тамбовских, владимирских говорах, встречаются также в московских, брянских, новгородских, псковских, ярославских калужских, тульских [33, 100–101].

В русских говорах Беломорья зафиксированы лексемы *рига, ригача, рыгача* – большой крытый сарай для сушки снопов и обмолота зерна [34, 361, 379]. Ранее (1568 г.) фиксировалось слово *ригачь* ‘место под ригую и ее принадлежностями’ [35, 120]. В Этимологическом словаре русского языка проводится связь с кар., фин. *gihi* ‘гумно’, ‘овин’ [36, 482]. По мнению С.А. Мызникова, ее распространение носит поздний характер [37, 513].

Слово *пазьмо* утрачено современными рязанскими говорами, оно сохраняется в картотеке Рязанского областного словаря как лексема, которой обозначали крестьянскую усадьбу – дом с хозяйственными постройками и огородом. *Пазьмо, позьмо* фиксируются в русских говорах Чувашии. Отмечено *пазьмо* ‘усадьба, место под двором, домом’ также в казанских, пензенских, самарских говорах [38, 151]. Лексема *позьмо* в сходных значениях встречается в тамбовских, саратовских, пензенских, рязанских, куйбышевских говорах [39, 343]. Происхождение лексемы вызывает споры: финно-угорское или тюркское? В решении

подобных вопросов не раз помогала лингвистическая география. Как видим, изоглосса проходит через рязанские, тамбовские, пензенские и дальше – в куйбышевские, саратовские говоры, что свидетельствует в пользу финно-угорского происхождения.

Таким образом, присутствие в лексике рязанских говоров слов финно-угорского происхождения объясняется древнейшими процессами, происходившими на рязанской территории и оказавшими влияние на формирование населения, а также более поздними финно-угорскими заимствованиями.

Список литературы

- 1 Археологическая карта России. Рязанская область / Авт.-сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. – М., 1993. Ч. 1. – 260 с.
- 2 Мокшин Н.Ф. Мордва // Народы Поволжья и Приуралья. – М., 2000. – 578 с.
- 3 Монгайт А.Л. Рязанская земля. – М., 1961. – 400 с.
- 4 Лебедева Н.И., Милонов Н.П. Типы поселений Рязанской области // СЭ. – 1950. – № 4. – С. 107–132.
- 5 Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. – М., 1995. – 445 с.
- 6 Горбунов Б.В. Этническая история // Русские Рязанского края. В 2 т. Т. 1. – М., 2009. – С. 30–55.
- 7 Чижикова Л.Н. К этнокультурной истории Рязанского края // ЭО. – 1996. – С. 79–91.
- 8 Малинина М.Д. Очерки рязанской мещеры // Вестник рязанских краеведов. – Рязань, 1925. – № 3. – С. 1–20.
- 9 Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Сологуб А.И., Строганова Т.Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / отв. ред. В.Г. Орлова. – М.: Наука, 1970. – 456 с.
- 10 Топонимический словарь Рязанской области / под ред. А.А. Никольского. – Рязань, 2004. – 295 с.
- 11 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. – М., 1955.
- 12 Словарь русских народных говоров. Вып. 14. – Л., 1978. – 376 с.
- 13 Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 3. – Петроград, 1916. – 304 с.
- 14 Опыт областного великорусского словаря. – С-Петербург, 1852. – 293 с.
- 15 Борисова Е.Н. Из истории бытовой лексики рязанских памятников 16-17 вв. Дисс. ...канд. филол. наук. – Рязань, 1956. –
- 16 Макаров М.Н. Опыт русского простонародного словотолковника. – М., 1846. – 181 с.
- 17 Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка. В 3-х т. Т.1. – С.-Петербург, 1893. – 771 с.
- 18 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. – СПб., 1996.
- 19 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. М., 1955.
- 20 Словарь русских народных говоров. Вып. 33. – СПб., 1999. – 362 с.
- 21 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. – СПб., 1996.
- 22 Словарь русских народных говоров. Вып. 25. – Л., 1990. – 353 с.
- 23 Мызников С.А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. – СПб., 2010. – 495 с.
- 24 Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья. Чувашская республика. Республика Марий Эл. – СПб., 2005. – 639 с.
- 25 Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. – Спб, 2004. – 296 с.
- 26 Словарь русских народных говоров. Вып. 14. – Л., 1978. – 376 с.
- 27 Опыт областного великорусского словаря. – С-Петербург, 1852. – 293 с.
- 28 Словарь русских народных говоров. Вып. 14. – Л., 1978. – 376 с.

- 29 Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб, 2004. – 296 с.
- 30 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2.– СПб., 1996.
- 31 Мызников С.А. Словарь русских говоров на территории республики Мордовия. Ч. 1. – СПб., 2013. – 673 с.
- 32 Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 3. – Петроград, 1916.– 304 с.
- 33 Словарь русских народных говоров. Вып. 33. – СПб., 2001. – 360 с.
- 34 Мызников С.А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. – СПб., 2010.–495 с.
- 35 Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка. В 3-х т. Т.3. – С, Петербург, 1912.
- 36 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3.– СПб., 1996.
- 37 Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья. Чувашская республика. Республика Марий Эл. – СПб., 2005. – 639 с.
- 38 Словарь русских народных говоров. Вып. 25. – Л., 1990. – 353 с.
- 39 Словарь русских народных говоров. Вып. 28. – Л., 1994. – 433 с.

КОНСТАНТНАЯ ВИТАЛЬНОСТЬ ОБЩЕРУССКОГО СЛОВА

ПакМ.К.

(E-mail: pakmarkon@yandex.ru)

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда

В статье рассматриваются критерии принадлежности слов к общерусским, особенности функционирования общерусского слова, его историческая устойчивость. Культурно-исторические коннотации общерусских существительных в литературном языке и диалектной системе представляют давно сложившуюся наивную картину мира русского человека. Общерусское слово в процессе длительного исторического представляет систему языковых, культурных ценностей русского народа.

Ключевые слова: общерусское слово, семантика, витальность, культурная коннотация.

Несмотря на то, что проблемы лексикологии широко освещены в лингвистической науке, до сих пор нет исчерпывающего исследования о месте общерусского слова в составе лексического фонда, о специфике функционирования его в подсистемах общенародного языка. Постановочные вопросы определения места общерусских слов в диалектной системе, семантические особенности их рассматривались известными диалектологами (Ф.П.Филиным, Ф.П.Сороколетовым, О.Г.Гецовой, Л.А.Ивашко, О.С.Мжельской, И.А.Оссовецким и др.). В современной (новейшей) лингвистической науке имеются единичные исследования по обозначенной проблеме. Единичность таких работ ярко свидетельствует, с одной стороны, о явно недостаточной разработанности и изученности проблемы, с другой – о сохранении ее актуальности для современной русистики. Исключительную научную ценность в выявлении категориальных признаков общерусского слова-существительного и в целом его особенностей имеют данные диалектной системы, в частности, архангельские говоры. Благодаря своей древности и территориальной отдаленности от центра, в котором исторически складывался русский язык в своей литературной форме, последние демонстрируют хорошо сохранившуюся, типологически самодостаточную микросистему в общей системе русского языка, отражающую характерные черты народной речи и помогающую объективному решению многих кардинальных вопросов исторического и современного русского языкознания, в том числе и проблемы общерусского слова.